

КАК ЖИВЕШЬ,
КОМЕДИЯ?ПРЕВРАТНОСТИ
СУДЬБЫ

ПРЕЖДЕ всего риску огорчить авторов некоторых статей в дискуссии о комедии: «золотого века» у комедии не было. И в «минувшие времена» она отнюдь не «лидировала». Не припомню и того времени, когда смех был в «центре, интересов кино» и критики. Не было этого! Во всяком случае, в пору зрелого кинематографа. На одних «Веселых ребята» приходилось как минимум пять-шесть отнюдь не комедийных фильмов.

Полагаю, что не лучше обстояли дела в эпохи более отдаленные. Как известно, в Древней Греции на одного хорошего комедиографа (Аристофан) приходилось не меньше трех отцов трагедии (Эсхил, Софокл, Еврипид). Немало претерпели от своего пристрастия к смешному на театре Фонвизин, Грибоедов, Гоголь.

Но самое поразительное: комедия не бывала обескуражена! Во все века ей удавалось компенсировать невнимание критики вниманием зрительного зала.

Кладовые русской литературы переполнены смешными пьесами! Кроме трех китов, на которых стоит русский театр, есть «Ябеда» Кафниста и «Модная лапка» Крылова, «Женитьба» Гоголя, «Свадьба Кречинского» и «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина, многочисленные комедии Островского... А сколько нетитулованных пьес, водевилей, среди которых встречаются истинные шедевры!

Уж не знаю, в силу какого закона (не потому ли, что человечество смеясь расстается с прошлым) ряды комедий пополняются за счет пьес, прежде вызывавших слезы. Пророческим оказалось определение Чеховым жанра своих драматических произведений. И если Станиславский когда-то утверждал, что «Вишневым сад» «для простого человека это трагедия», то в 1926 году он же писал: «А заметили ли вы, как часто при исполнении пьес Чехова в зрительном зале раздается смех...»

С тех пор пьесы Чехова стали еще смешнее (в тех случаях, скажем мимоходом, когда на их комедийности не слишком настаивает театр). Время упорядочивает классификацию жанров!

Речь шла лишь о классической русской литературе. А в литературе мировой! А какие резервы смешного таятся в недрах классической драматургии украинской, армянской, грузинской, эстонской, узбекской!

И, честное слово, ничуть не хуже обстоит дело в хозяйстве литературы советской. Сатирические комедии Маяковского и Булгакова, уморительно смешные пьесы Зощенко и Катаева, комедии Погодина и «Воздушный пирог» Ромашова, «Обыкновенный человек» Леонова, уникальная в русской драматургии стихотворная комедия Гладкова «Давным-давно», комедии-сказки Шварца, Маршака, Светлова... Это из того, что уже стало классикой. Из того, что классикой становится или станет завтра, упомянем лирические комедии Арбузова, Розова, Володина, пьесы Михалкова, Зорина, Вампилова...

«Нет ли чего поновее?» — обрывает меня нетерпеливый голос оппонента.

Есть!

Комедии Шукшина, Роцина, «Мы, нижеподписавшиеся»

Гельмана. Театр Брагинского и Рязанова. Еще недавно хорошим тоном считалось обходить его молчанием или хурить авторов за отсутствие необходимой глубины.

Весной 1970 года я оказался на несколько дней в Красноярске. Заглянул вечером в местный театр. Давали комедию Брагинского и Рязанова. Зал задыхался от смеха. Отлично поставленный режиссером Меньшениным, хорошо сыгранный актерами, спектакль был очень смешным, трогательным и содержал полезные мысли о вреде стандартизации чувств в эпоху строительной стандартизации. Сюжет комедии прост и занимателен: у троих друзей был обычай — ходить вместе в баню, и вот однажды в новогоднюю ночь... Комедия уже широко шла на периферии. Вернувшись, я справился о ее московской судьбе. Ничего страшного! Она была отвергаема за: а) мелко-темье, б) легкомыслие, в) несерьезность. Будем ставить! Читка пьесы на труппе прошла с редким успехом. Один из авторов предупредил меня по телефону: «Не спешите радоваться!» Он оказался прав. Первым дрогнул главный режиссер: «Мелковато, не стоит!» Так и порешили. Пьеса не пошла ни в одном из московских театров. Для зрителей Москвы, так же как и для зрителей многих других городов страны, она стала известна лишь шесть лет спустя как фильм «Ирония судьбы...». На следующий год «Ирония...» была удостоена Государственной премии СССР.

Таковы уже превратности судьбы многих веселых комедий, иные из которых (а вдруг?!) могут стать через пять — пятьдесят лет эталонами.

Успехи комедии были, есть и будут, жаль только, что замечаюся они критикой почти всегда с немалым опозданием. Почему? Ведь зрительный зал не откладывает своей реакции «на завтра».

Я, например, не могу припомнить острее и радостнее режиссерского переживания, чем то, какое доводилось мне испытать на гастрольных спектаклях московского «Парусиновского портфеля» М. Зощенко в каком-нибудь из больших дворцов культуры страны. Тысячеголовый зал покатывался, содрогался от смеха. Я понял впервые, что это выражение — не метафора. Зрителей укачивало.

Боже, как оно симпатично, добродушно и дружно. Население зрительного зала комедийного спектакля! Не случайное же А. Егоров в своей статье («ЛГ», № 6, 1979) вспомнил о балаганной, цирковой родословной смеха!

Первые уроки смешного преподавал мне популярный в 40—50-е годы Белый клоун Роланд. «Публика смеется, — учил он меня, величественно восседая в кресле из классического антре «Статуя», — только в двух случаях: если она чувствует себя умнее клоуна или знает то, чего не знает он». Вот уже тридцать лет мне не удается опровергнуть этот нехитрый тезис!

Если бы зрители не знали, что Хлестаков — не ревизор, комедия Гоголя превратилась бы в заурядный детектив. Не дай бог догадаться об этом Городничему — и в этом случае пьеса перестанет смешить. Мы смеемся над персонажами «Горя от ума» потому, что смотрим на них глазами Чац-

кого, пребывая в неколебимой уверенности, что ничуть не похожи на Репетилова, Молчалина, Загорецкого или графиню-внучку, потому что охотно разделяем с героем пьесы его горе. От ума!

О, как мы в этой своей самоуверенности простодушны! И, конечно же, прав В. Плучек, утверждая, что зрители не утратили этого драгоценного качества и в наш век НТР. Нет, нет! И никаких телевизионных помех, о которых писал в своей статье А. Егоров, не надо пугаться. Предоставим в «плотности эфирного времени» разбираться физикам, что же касается времени телевизионного фильма или спектакля, то оно-то как раз отличается большей растяжимостью, нежели театральное или кино-время, и потому и там зрители вполне могут успеть посмеяться, что они и делают в те редкие вечера, когда по телевизору показывают смешную комедию.

Мы ставим комедии, оглядываясь, извиняясь, оправдываясь. Почему? Никто не знает. Так повелось.

Сегодня мы толкуем о том, «как поживает комедия». А толковать между тем полагалось бы о том, как поживает мы сами без комедии. Но можно и не толковать, а, не стесняясь друг друга, неумоимо ставить, играть и смотреть комедии. Прощая им при этом некоторую их несерьезность.

Не ошибся В. Плучек — жанр не перестает владеть сердцами! На чем основано обратное утверждение? Разве пустуют на представлениях комедий зрительные залы? Разве не выстраиваются и сегодня очереди в кино? Может быть, следовало, если усомнился, привести, и вправду (как предлагалось в ходе дискуссии), «репрезентативный социологический» опрос о популярности смеха, что само по себе могло бы стать неплохим сюжетом для водевиля.

Что же касается комедии, то она поживает ничего себе... Некоторая кислородная недостаточность, которую она испытывает, давно уже стала хронической и потому — не смертельной.

Оскар РЕМЕЗ,
заслуженный артист РСФСР,
кандидат искусствоведения

168